

Lomonosov Moscow State
University
Moscow, Russian Federation
<http://www.econ.msu.ru>

Preprint series of the economic department 0014/2023

**ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТРАН НА
ПОСЛЕДСТВИЯ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА
2008–2009 ГОДОВ**

Комаров Артемий Павлович
магистрант,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет
(г. Москва, Россия)

Мирзоян Ашот Гамлетович
старший преподаватель кафедры экономики инноваций,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет
(г. Москва, Россия)

Аннотация

В работе исследуется влияние культурных особенностей стран на последствия мирового финансового кризиса 2008–2009 годов. В ходе анализа выявлено, что страны, в которых решения принимались быстро и слаженно, упали меньше остальных, это влияние сохранялось и при анализе передаточных механизмов культуры, с добавлением которых появлялась значимость у остальных культурных характеристик: к примеру, уровни индивидуализма и автономии негативно повлияли на экономику во время рецессии, а дистанция власти и иерархичность общества привели к более мягким последствиям. При разделении стран на группы по культурным особенностям выяснилось, что странам со схожими ценностями был причинён сопоставимый ущерб в 2009 году. Кроме того, имела

значение динамика экономического развития в докризисный период: коллективистские страны вышли из кризиса менее болезненно, в отличие от индивидуалистичных.

Ключевые слова: социокультурная экономика, неформальные институты, передаточные механизмы, великая рецессия, финансовый кризис.

JEL-коды: C51, E02, O43, Z13.

Введение

Мировой финансовый кризис 2008–2009 годов (Великая рецессия) стал одним из сильнейших спадов в мировой экономике за последние 70 лет. Финансовые пирамиды на рынках деривативов, образовавшиеся после пузыря на рынке ипотечных кредитов в США, обрушили банковские системы развитых стран мира. Рецессия затронула даже те страны, где развитость финансовых институтов была невысокой. Возникает вопрос: если кризис стал настолько губительным как для мировой системы, так и для локальных экономик, можно ли найти институциональные особенности, которые повлияли на глубину спада.

Например, можно взглянуть на темпы роста ВВП в разных странах в 2009 году: они были отрицательными в таких странах, как Австрия (-3,8%), Канада (-2,9%), Франция (-2,9%), Великобритания (-4,9%), Япония (-5,7%), но были положительными в следующих государствах: Австралия (1,9%), Китай (9,4%), Индия (7,9%), Израиль (0,9%) и Польша (2,8%) [World bank Data. 2008–2011]. Можно заметить, что отсутствует визуальная зависимость по географическому, этническому или лингвистическому признаку. Более того, существует и огромный разброс: в прибалтийских странах ВВП упал более, чем на 14%, а в том же Китае он вырос на 9,4%. Возможно, дело не в географии, языке или даже экономических особенностях, а в том, что в странах существенно различались социальные нормы и ценности, то есть неформальные институты, формирующие схожее отношение к шоку у представителей общностей с одинаковыми социокультурными характеристиками.

Структура работы построена следующим образом: в первой части описаны основные результаты предшествующих исследований; во второй части показаны основные теоретические подходы к изучению влияния культуры на экономику, а в третьей части осуществлена проверка выдвинутых гипотез с использованием эконометрического анализа.

Социологические и экономические исследования в области неформальных институтов и их связи с рецессиями

Одними из наиболее влиятельных исследований связи культуры и экономического развития являются статьи нидерландского социолога Г. Хофстеде [G. Hofstede, 1980; G. Hofstede, 1983; G. Hofstede, M. Bond. 1988]. Автор выделил следующие значимые закономерности: во-первых, наблюдалась позитивная корреляция между избеганием неопределённости и экономическим ростом для развитых стран. Во-вторых, индивидуализм значимо влиял на темпы экономического роста. В-третьих, была высказана гипотеза о том, что культура помогает предсказывать темпы экономического развития. Важнейшим результатом исследований Хофстеде был вывод о том, что культурные особенности стран описывают четверть изменений экономического роста в 39 странах за 1970–1980 годы.

В исследовании [J. Johnson, T. Lenartowicz, 1998] изучается влияние культуры на экономическую свободу и её воздействие на экономический рост в 1985–1994 годы. Авторами были получены следующие результаты: между экономической свободой, то есть отсутствием внешних финансовых ограничений со стороны государства, и экономическим ростом выявлена положительная связь. Что касается связи с культурными особенностями, то экономическая свобода негативно коррелирована с высоким избеганием неопределённости и консерватизмом, а положительно – с уровнем автономии и индивидуализмом. Важный вывод, к которому приходят авторы: использование передаточных механизмов, таких, как культура–экономическая свобода–экономический рост, имеет смысл, потому что иногда трудно выявить прямое влияние неформальных институтов на благополучие нации, необходимо исследовать опосредованные связи и каналы влияния.

Существуют работы, где моделируется влияние культуры на экономический рост [O. Dieckmann, 1996], а также влияние различных типов социального капитала на экономическое развитие [Y. Chou, 2006]. В первом исследовании автор с помощью модели эндогенного экономического роста показывает, что если индивиды принимают во внимание социокультурные особенности общества, то ему удаётся достичь больших темпов экономического роста. В частности, эмпирический анализ выявил значимую негативную корреляцию избегания неопределённости с экономическим благосостоянием. То есть зная эту особенность, общество будет расти более эффективно, ведь люди будут знать, к каким последствиям может потенциально привести высокая несклонность к риску. Во второй работе исследователи предлагают вниманию читателей три модели по связи социального капитала и экономического роста: на микроуровне – бондинговые связи, которые вырабатывают индивидуальное доверие и влияют на продуктивность, на макроуровне –

бриджинговые связи, которые вырабатывают коллективное доверие и связаны с экономическим развитием, и на мезоуровне – взаимодействия фирм на рынке, стимулирующие инновационную экономику и ведущие к росту в итоге.

Влияние неформальных институтов на экономический рост отмечалось и в другом исследовании [A. Rupasingha etc., 2000]. Авторы обнаружили, что подушевые доходы быстрее растут в тех странах, где наблюдается высокий уровень социального капитала, который проявляется в низком уровне преступности, участии граждан в жизни гражданского общества, а также в благотворительной деятельности.

В статье, в числе авторов которой был Рональд Инглхарт, также пытались смоделировать влияние социокультурных особенностей на экономический рост, и её результаты несколько схожи с теми, что мы планируем получить в ходе этого исследования [J. Granato etc., 1996]. Во-первых, авторы отмечают, что ориентация на результат положительно влияет на экономический рост, то есть если у государства стоит задача в краткосрочном периоде преодолеть спад в экономике, то изменить большинство неформальных институтов за несколько лет практически невозможно, а исправить ситуацию с помощью одной социокультурной характеристики, которая напрямую влияет на это, вполне реально.

Отдельные социокультурные компоненты могут влиять на транзакционные издержки в обществе. Авторы одной из статей утверждают, что институты связаны с тем, как долго государственные органы принимают решения, чем они руководствуются и учитывают ли они интересы общества [J. Steenkamp, I. Geyskens, 2012]. Было выяснено, что общества с низкой дистанцией власти и большей склонностью к самовыражению, у которых в приоритете секулярно-рациональные ценности, обращают большее внимание на экономику и уровень издержек при принятии решений, чем общества с ценностями выживания и высокой дистанцией власти. Более того, кривые транзакционных издержек лучше описывают решения, принятые иерархическим правительством, если в стране высокий уровень избегания неопределённости и низкая долгосрочная ориентация.

За последние годы был также опубликован ряд значимых зарубежных статей по связи культуры и экономического развития. Исследователи утверждают, что соблюдение правил и социальная дистанция помогли бы быстрее пройти пик кризиса и снизить издержки, которые понесли государства в связи с локдаунами (на примере Италии). Авторы также установили, что если бы во всех регионах страны социальный капитал был так же высок, как в тех, что плавнее вышли из кризиса, то количество смертей уменьшилось бы на 60%, то есть убыль населения была бы значительно ниже и экономика пострадала бы так сильно [R. Durante etc., 2021]. Более того, авторы подчёркивают, что географическое или социально-

экономическое положение регионов не имело значение, то есть было зафиксировано прямое воздействие культурного капитала. Также говорят и исследователи, которые выявили эффект культуры на производительность на уровне компаний, что выражалось в более высоких продажах, рентабельности активов и маржи чистой прибыли в случае, если компании поддерживали высокий уровень корпоративной культуры [K. Li etc., 2021].

В науке уже была рассмотрена связь между социокультурными характеристиками стран и их поведением во время рецессий. Тот факт, что страна пережила глубокий кризис, влиял на изменения экономических и политических убеждений людей [P. Giuliano, A. Spilimbergo, 2014]. Основной вывод работы состоит в том, что те, кто столкнулся с экономическим шоком во время молодости, больше склонен считать, что правительство обязано равномерно и справедливо распределять ресурсы среди членов общества. Более того, такие индивиды склонны доверять формальным институтам больше, чем неформальным. В 18–25 лет у людей формируется основа для их социально-экономических предпочтений, то есть, если они пережили рецессию в первые 25 лет своей жизни, она могла кардинально изменить их взгляды. Примечателен тот факт, что бумы оставляют в голове у людей противоположные воспоминания, которые также влияют на их ценности в будущем, но в иной мере.

Бывший глава Федеральной Резервной системы США Алан Гринспен отмечает, что культурные особенности развитых стран повлияли на начало финансового кризиса [А. Гринспен. 2014]. Он утверждает, что склонность к риску была важной компонентой при анализе кризиса, потому что именно её высокое значение привело к тому, что люди стали вкладываться в неликвидные финансовые активы и деривативы. Также автор упоминает проблему традиционного институционализма – эффект подражания, то есть ситуацию, когда человек практически не способен думать самостоятельно и принимать взвешенные экономические решения. Автор предполагает, что высокий уровень индивидуализма стал губителен для большинства развитых экономик, тем более для США, потому что он порождал склонность к соперничеству, что приводило к многочисленным нерациональным поступкам людей. В данном исследовании мы, в частности, проверим данное предположение.

Подходы к изучению влияния культуры на экономику

Под культурой мы будем подразумевать ценности и поведенческие установки, разделяемые определенным сообществом и медленно меняющиеся во времени [Аузан А. и др. (ред.), 2021]. В данной работе мы будем использовать методологию культурных ценностей Г. Хофстеде, рассмотрим каждую компоненту подробно.

Индивидуализм (Individualism). В сообществах с такой ценностью у людей наблюдается склонность к предпринимательству и самовыражению. Признаётся приоритет личности над обществом.

Дистанция власти (Power distance). Эта характеристика отражает равномерность распределения власти в обществе, а также степень доверия к государству.

Избегание неопределённости (Uncertainty avoidance). Данная особенность характеризует степень отношения к риску. Если этот показатель высок, то люди в стране консервативны, они не толерантны к резким изменениям и не открыты к новым возможностям.

Маскулинность (Masculinity). В странах, в которых доминирует эта ценность, люди нацелены на достижение результата любой ценой. Они принимают решения быстро и решительно.

Долгосрочная ориентация (Long-term orientation). Общества, отличающиеся подобной особенностью, нацелены на достижение глобальных стратегических целей.

Потворство желаниям (Indulgence). Означает ощущение радости от выполнения задач и контроль над жизнью и эмоциями в целом.

Первые четыре ценности использовались Хофстеде в его первоначальных работах по кросс-культурному сопоставлению стран, последние две были выявлены несколько позже.

Несмотря на то, что в данном исследовании будет в том числе использован подход Г. Хофстеде, стоит упомянуть о его критике другими исследователями. К примеру, М. Минков пишет о том, что модель, которую разработал нидерландский социолог, давно не проверялась на соответствие как реальности, так и другим социологическим теориям [М. Минков, 2018]. Компонента индивидуализм-коллективизм проверена и считается валидной, однако дистанция власти и избегание неопределённости считаются учёным скорее дополнениями к предыдущей переменной, то есть они не вносят содержательный вклад в объяснение культурных различий между странами.

Гипотезы о связи культуры и экономики во время мирового кризиса

Ввиду того, что кризис был преимущественно финансовым, необходимо оценивать участие людей в инвестиционной активности. Как правило, оно коррелирует с уровнем индивидуализма, потому что чем он выше, тем больше люди вовлечены в операции на финансовых рынках [А. Гринспен. 2014]. То есть люди готовы в большей степени заниматься предпринимательской активностью и вкладываться в высокодоходные и более рискованные активы.

***Гипотеза 1:** страны с высоким уровнем индивидуализма/автономии испытали наиболее глубокий спад во время рецессии.*

На величину ущерба для национальных экономик во многом повлияла скорость принятия решений правительствами и экономическими ведомствами. За эти качества будет отвечать переменная «Маскулинность». Действительно, страны с высоким уровнем этой компоненты готовы жертвовать менее насущными проблемами, чтобы решить более приоритетные и значимые задачи в данный конкретный момент [Н. Лебедева, А. Татарко. 2009].

***Гипотеза 2:** экономики стран с низкими уровнями маскулинности испытали более сильное падение по сравнению с теми государствами, в которых данная характеристика была дефицитной.*

Если попытаться выделить группы стран по социокультурным особенностям, то можно проверить, насколько однородными были последствия рецессии в них. Это интересно, потому что если существуют подобные гетерогенные группы и анализ Великой рецессии покажет их сравнительно одинаковое падение во время кризиса, то можно сделать вывод, что и на другие шоки они реагируют сопоставимо. Также можно проверить, зависит ли падение культурных групп от природы шока, и если да, то одинаково ли падение одних и тех же групп во времена разных рецессий. Возможно, существует определённая группа стран, которая больше всего уязвима во времена финансовых кризисов.

***Гипотеза 3:** существовал социокультурный кластер стран, в котором падение во время кризиса было наибольшим, по сравнению с другими кластерами.*

Важно то, что культура влияет не только на результат, но и на процесс, то есть экономическая динамика в разных культурных группах также различна [S. Beugelsdijk, R. Maseland, 2010]. Имеется в виду то, что социокультурные особенности влияли на экономику на протяжении десятилетия до кризиса. Возможно, страны, пострадавшие больше остальных, развивались более успешно, поэтому спад был наиболее глубоким. Может быть и наоборот, что экономические процессы в государствах проходили медленно и неэффективно, что спровоцировало их падение во время пика рецессии.

***Гипотеза 4:** Группа индивидуалистичных стран пострадала в наибольшей степени во время кризиса, а группа маскулинных стран – в наименьшей, на это указывала динамика темпов роста экономики в период до рецессии.*

Сбор и обработка данных

В этой работе используются характеристики, выделенные Г. Хофстеде, то есть индивидуализм, дистанция власти, маскулинность, избегание неопределённости,

долгосрочная ориентация и потворство желаниям [Geert Hofstede. Dimension data matrix]. Социолог не проводил повторных исследований, соответственно, последней доступной базой данных по культуре является база за 2015 год, именно в ней расписаны все 6 переменных по каждой стране, в которой проводился опрос Хофстеде. В генеральной совокупности имеется 111 регионов, по которым существует хотя бы одна компонента из 6. После чистки и обработки данных получилась выборка из 60 стран. Исключались те страны, по которым были даны повторные наблюдения, например, Бельгия или Швейцария, а также те, по которым не были известны все 6 характеристик.

Макроэкономические данные были взяты с сайтов Всемирного банка, Международного Валютного фонда, а также с сайта ОЭСР. Брались следующие переменные: темп прироста запаса физического капитала и работоспособного населения [R. Solow, 1956], темп прироста номинального ВВП [O. Dieckmann, 1996], ставка процента и уровень инфляции по ИПЦ [J. Dawson. 1998]. Использовались также данные по компонентам индекса экономической свободы для проверки влияния передаточных механизмов на экономические агрегаты - в первой части работы была озвучена гипотеза о целесообразности их использования в социокультурном анализе [J. Johnson, T. Lenartowicz. 1998].

Прямое влияние культурных особенностей на последствия кризиса

Для анализа влияния культуры на спад во время рецессии были построены множественные регрессии, где зависимой переменной являлся темп прироста валового внутреннего продукта (будет использоваться как основной показатель падения экономик стран во время кризиса), а независимыми по очереди выбраны компоненты Г. Хофстеде. В каждую регрессию будет включаться одна культурная характеристика, несколько контрольных переменных, а зависимым параметром будет темп прироста ВВП. В качестве контрольных переменных взяты темп прироста работоспособного населения, темп прироста запаса капитала и уровень инфляции, все они известны за 2009 год. Необходимо отметить, что между долгосрочной ориентацией и потворством желаниям была выявлена значимая корреляция Пирсона, поэтому они использовались в одном уравнении регрессии для предотвращения смещения оценок.

Стоит перейти к интерпретации регрессий в таблице 1. Во-первых, маскулинность ведёт к более высокому темпу прироста ВВП в 2009 году при прочих равных условиях. Во-вторых, потворство желаниям значимо и отрицательно влияет на зависимую переменную также при прочих равных условиях.

Теперь рассмотрим результаты регрессионного анализа за 2010 год. Результаты приведены в таблице 2. Долгосрочная ориентация положительно влияла на темп прироста

ВВП в 2010 году, то есть при повышении данной характеристики на 1 единицу зависимая переменная росла на 0,036 единицы (процентных пункта в данном случае, так как речь о темпе прироста ВВП). В таблицах показаны только те регрессии, в которых переменные интереса имели статистическую значимость.

Таблица 1. Влияние маскулинности (1), долгосрочной ориентации и потворства желаниям (2) на темп прироста ВВП в 2009 году.

Показатель	(1)	(2)
Маскулинность	0,045** (0,022)	-
Долгосрочная ориентация	-	-0,029 (0,030)
Потворство желаниям	-	-0,033* (0,018)
Темп прироста работоспособного населения	2,645*** (0,555)	2,702*** (0,630)
Темп прироста запаса капитала	0,473** (0,185)	0,318 (0,211)
Уровень инфляции	-0,050 (0,101)	-0,062 (0,079)
Константа	-8,807*** (1,639)	-2,903 (2,692)
Количество наблюдений	60	60
R²	0,433	0,415
F statistic	10,508***	7,675***

В скобках указаны робастные стандартные ошибки. Значимость: 10%(), 5%(**), 1%(***).*

Источник: построено автором по выборке из компонент Г. Хофстеде. а также по макроэкономическим данным, собранным с сайта World bank Data.

Таблица 2. Влияние долгосрочной ориентации на темп прироста ВВП в 2010 году.

Показатель	
Долгосрочная ориентация	0,036** (0,018)
Темп прироста работоспособного населения	2,109*** (0,475)
Темп прироста запаса капитала	0,289** (0,127)
Уровень инфляции	-0,149 (0,107)
Константа	0,253 (1,187)
Количество наблюдений	60
R ²	0,397
R ² adjusted	0,353
F statistic	9,054***

В скобках указаны робастные стандартные ошибки. Значимость: 10%(), 5%(**), 1%(***).*

Источник: построено автором по выборке из компонент Г. Хофстеде. а также по макроэкономическим данным, собранным с сайта World bank Data.

Влияние культурных особенностей на последствия кризиса через передаточные механизмы

Использование передаточных механизмов может быть полезным, потому что что зачастую найти прямое воздействие культурных особенностей затруднительно, они влияют больше на промежуточные институты, а те, в свою очередь, неразрывно связаны с падением ВВП, с финансовыми рынками и иными зависимыми переменными, которые будут использоваться в анализе. Другими словами, если маскулинность и потворство желаниями

имели значимое влияние на глубину спада во время рецессии, это ещё не значит, что в исследовании исключается факт воздействия остальных культурных компонент.

В качестве передаточных механизмов будут использованы компоненты индекса экономической свободы (index of economic freedom). В обзоре литературы упоминалось, что этот индекс связан как с культурой, так и с экономическим ростом [J. Johnson, T. Lenartowicz, 1998]. Есть смысл взять каждую компоненту индекса по отдельности и выявить её связь с культурными особенностями. Кроме того, будут взяты только 5 компонент из 10, они, по мнению исследователей, наиболее важны в объяснении влияния культуры на экономику именно во время Великой рецессии.

Свобода бизнеса (Business freedom) – возможность каждого индивида вести бизнес без вмешательства государственных органов.

Финансовая свобода (Financial freedom) – эффективное и безопасное функционирование финансовых институтов и доступность разнообразных инструментов для операций на рынке.

Права собственности (Property rights) – компонента, показывающая, насколько защищены права собственности работников, работодателей и инвесторов.

Свобода от коррупции (Freedom for corruption) – мера того, насколько общество освобождено от оппортунизма индивидов в виде коррупции.

Трудовая свобода (Labour freedom) – возможность индивидов работать там, где они хотят, и столько, сколько они хотят.

При построении промежуточных и итоговых регрессий (табл. 3 и 4) были использованы те же контрольные переменные, что и при регрессионном анализе прямого влияния культуры на экономический рост в предыдущем разделе. Сначала в качестве зависимых переменных выступали частные индексы экономической свободы, а в качестве независимых – культурные компоненты Г. Хофстеде. Затем компоненты индекса стали регрессорами, а макроэкономические переменные – регрессантами. Так мы проверяли связь социокультурных компонент с экономическими агрегатами с помощью передаточных механизмов.

Проверка гипотезы о связи индивидуализма и дистанции власти с темпом прироста ВВП дала понять, что зависимость обратная: в более индивидуалистичных странах выше уровень любой представленной на таблице свободы, который отрицательно повлиял на экономический рост в 2009 году (табл. 3). Первая часть вывода соотносится с теорией, а вторая специфична для данного конкретного кризиса, так как в странах с большей финансовой свободой рынки испытали более глубокий спад, на что указывает отрицательная связь с темпом прироста ВВП. Таблица даёт ответ на вопрос и о связи между

влиянием культуры на рынок кредитов и воздействием культурных особенностей на падение ВВП: эта связь полярная, то есть те параметры, что привели к росту рынка кредитования, негативно повлияли на экономический рост, что отражает особенность Великой рецессии [А. Гринспен, 2014].

Представим наглядный пример того, как нужно читать обе таблицы (табл. 3, 4). Избегание неопределённости значимо отрицательно влияет на финансовую свободу в 2009 году (-0,187**), а та, в свою очередь, таким же образом влияет на темп прироста ВВП за этот же год (-0,076**), то есть суммарное влияние оказывается значимым положительным (0,014**). Это говорит о том, что страны с высоким избеганием неопределённости меньше упали во время мирового финансового кризиса 2008–2009 годов.

Таблица 3. Связь культурных компонент с частными индексами экономической свободы в 2009 году.

Регрессанты Регрессоры	Свобода бизнеса	Финансовая свобода	Права собственности	Свобода от коррупции	Трудовая свобода
Дистанция власти	-0,304***	-0,320***	-0,552***	-0,541***	
Индивидуализм	0,224***	0,358***	0,467***	0,456***	0,197*
Маскулинность	-0,102**		-0,200**	-0,204**	0,198**
Избегание неопределённости	-0,172***	-0,187**	-0,244**	-0,334***	-0,278***
Долгосрочная ориентация				0,219**	
Потворство желаниям	0,159*	0,270***	0,344***	0,384***	

В скобках указаны робастные стандартные ошибки. Значимость: 10%(), 5%(**), 1%(***).*

Источник: построено автором по выборке из компонент Г. Хофстеде, а также по выборке из частных индексов экономической свободы [Index of economic freedom. Executive Summary]

Таблица 4. Связь частных компонентов индекса экономической свободы с макроэкономическими переменными в 2009 году.

Регрессанты Регрессоры	Доля стоимости акций в ВВП	Доля налоговых сборов в ВВП	Доля кредитов в ВВП	Темп прироста ВВП	Доля торговли товарами в ВВП	Уровень безработицы
Свобода бизнеса		0,151***	1,353***	-0,075***	0,892*	
Финансовая свобода		0,143***	0,895**	-0,076**		
Права собственности		0,087***	1,049***	-0,047**		-0,054*
Свобода от коррупции		0,120***	1,266***	-0,050**	0,635**	-0,055*
Трудовая свобода	1,684***		0,633*		0,644*	

В скобках указаны робастные стандартные ошибки. Значимость: 10%(*), 5%(**), 1%(***).

Источник: построено автором по выборке из компонент Г. Хофстеде, а также по макроэкономическим данным [World bank Data].

Общие выводы из двухэтапного регрессионного анализа по выборке Г. Хофстеде следующие: влияние большинства культурных компонент значимо только при анализе с помощью передаточных механизмов. Также важно, что характер зависимости между социокультурными компонентами и экономическими переменными не меняется, коэффициенты не меняют свой знак при переходе от прямого влияния к косвенному.

Иерархическая кластеризация по культурным особенностям

Мы поделили страны на культурные группы и выяснили, какими характеристиками неформальной институциональной среды они обладали и повлияли ли они на состояние экономик государств во время Великой рецессии, а также при выходе из неё.

Брались данные по культурным ценностям Г. Хофстеде, затем производилась нормировка, и уже на основе этой выборке производилась иерархическая кластеризация, разделяющая страны на 4 гетерогенные группы, представленные в таблице 5. Средние групповые значения по социокультурным компонентам можно посмотреть в таблице 5(а) в приложениях.

Таблица 5. Названия групп стран, объединённых по общим культурным характеристикам Г. Хофстеде, и представители каждой из групп.

Группа	Представители
Активность и радость	Швеция, Финляндия, США, Норвегия, Новая Зеландия, Нидерланды, Канада, Ирландия, Дания, Великобритания, Австралия
Консерватизм и традиции	Чили, Уругвай, Турция, Таиланд, Словения, Сальвадор, Португалия, Перу, Мексика, Мальта,

	Колумбия, Испания, Греция, Венесуэла, Бразилия, Аргентина
Строгость и дисциплина	Южная Корея, Эстония, Хорватия, Филиппины, Сингапур, Сербия, Румыния, Россия, Пакистан, Марокко, Малайзия, Литва, Латвия, Китай, Иран, Индонезия, Индия, Гонконг, Вьетнам, Болгария, Бангладеш
Упорство и решительность	Япония, Швейцария, Чехия, Франция, Словакия, Польша, Люксембург, Италия, Германия, Венгрия, Бельгия, Австрия

Источник: построено автором по выборке из компонент Г. Хофстеде.

Первая группа имеет название «Активность и радость», потому что в ней наибольшее значения индивидуализма и потворства желаниям по выборке, что означает, что люди, которые живут в странах, обладающими этими особенностями, как правило, предприимчивые и находчивые, получают удовольствие от рутинных задач.

Дальше идёт группа под названием «Консерватизм и традиции». В ней динамика компоненты, отвечающей за избегание неопределённости, обратная: тут она наименьшая, то есть люди в таких странах обходят всё новое и неизведанное, не склонны проявлять предпринимательскую активность. Важно ещё и другое: показатели индивидуализма и долгосрочной ориентации здесь минимальны, что говорит о том, что подобные общества в большинстве своём ценят коллективизм, а также не имеют стратегии развития на ближайшие десятилетия ввиду того, что решают более насущные проблемы.

Третья группа – общества с названием «Строгость и дисциплина». Данному кластеру присуща наивысшая дистанция власти. Это означает, что в странах из этой группы наивысшее неравенство между властью имеющими и остальными.

Наконец, четвёртая группа – «Упорство и решительность». Группа названа так из-за наивысшего по выборке показателя маскулинности, то есть страны решительно, быстро и слаженно принимают решения, а также могут пожертвовать чем-то менее важным, чтобы решать приоритетные задачи. Также тут максимальная компонента, отвечающая за долгосрочную ориентацию, то есть страны с описанными выше качествами способны мобилизовываться и достигать поставленных целей.

После того, как понятны культурные особенности каждой группы стран, интересно посмотреть, каково было падение экономик во время кризиса в каждой из групп (рис. 1).

Видим, что в среднем ВВП упал по всей совокупности стран, но сила этого падения различается по группам. Больше всего пострадали страны из групп «Активность и радость»

и «Упорство и решительность», что можно объяснить высоким уровнем индивидуализма в них. То есть чем выше значение этой компоненты, тем больше люди вовлечены в торговлю на финансовых рынках и готовы рисковать в большей степени, поэтому страны, в которых люди так поступали, упали сильнее по экономическим параметрам, так как кризис начался в финансовой и банковской сферах [М. Льюис, 2020]. Обратим внимание на то, что группа «Строгость и дисциплина» пострадала меньше всех, потому что в ней сравнительно меньший уровень экономической активности у населения [S. Beugelsdijk, R. Maseland, 2010]. Необходимо отметить, что результаты тестов на равенство средних также изображены на рисунке 1, и они свидетельствуют о том, что, хотя различия между группами и есть, но они статистически незначимы.

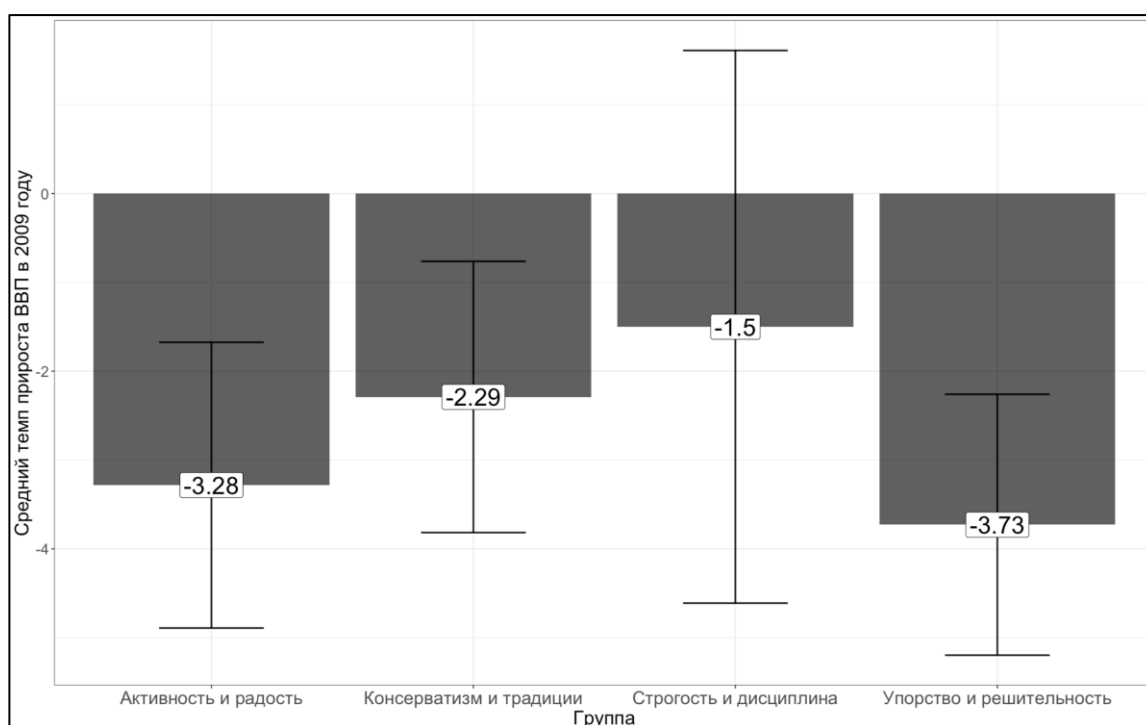

Рисунок 1 (Темп прироста ВВП в 2009 году в каждой из культурных групп). Источник: построено автором по выборке из компонент Г. Хофстеде.

Была прослежена динамика падения ВВП в каждой из групп, теперь же возникает логичный вопрос: а влияли ли культурные особенности стран на их выход из кризиса, и если да, то каким образом и различалось ли влияние по группам. На этот вопрос поможет ответить рисунок 2.

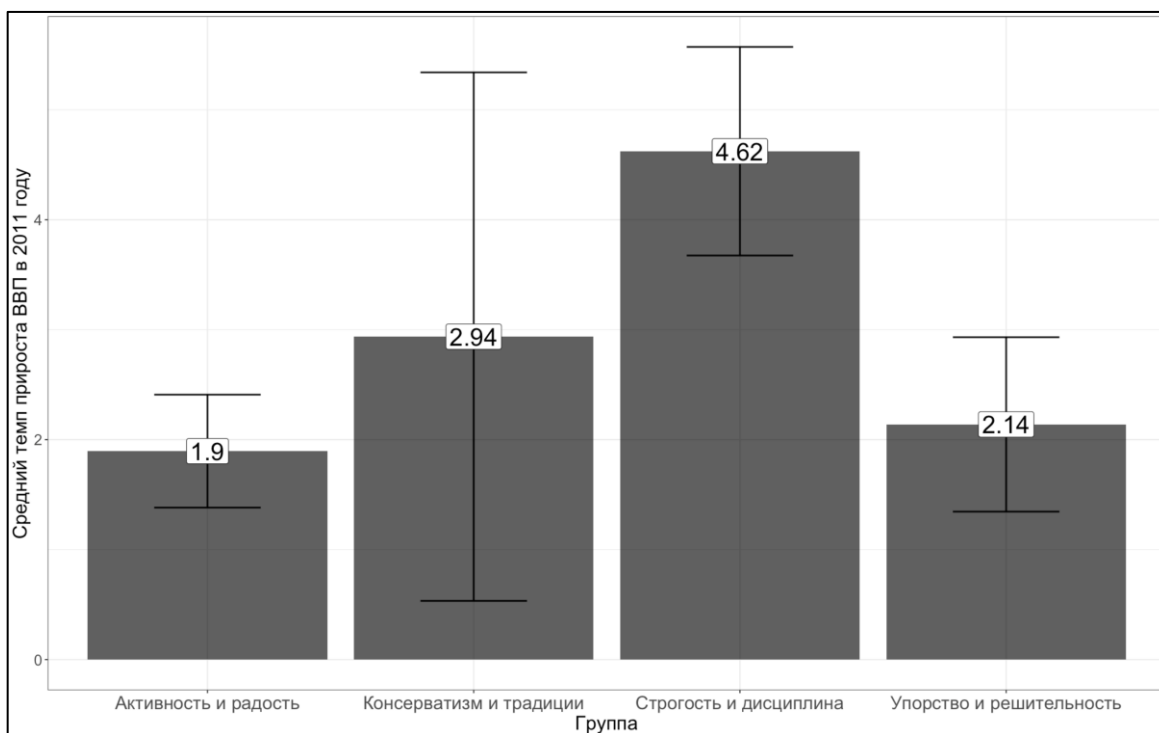

Рисунок 2 (Темп прироста ВВП в 2011 году в каждой из культурных). Источник: построено автором по выборке из компонент Г. Хофстеде.

Рисунок 2 более репрезентативен в контексте выхода стран из кризиса, так как видно, что средний темп прироста ВВП в каждой из групп «Активность и радость» и «Упорство и решительность» значительно отличается от аналогичного в группе «Строгость и дисциплина».

Анализ экономического развития стран в докризисный период с помощью авторегрессионной модели распределённых лагов (ARDL)

Стоит сразу отметить, что здесь исследователи столкнулись с рядом ограничений, на которые нужно обратить внимание. Во-первых, брались высокочастотные (поквартальные) данные по макроэкономическим показателям, что существенно сужает выборку стран, так как не по всем из них значение параметров известно в каждый момент времени. Во-вторых, для анализа краткосрочной динамики ВВП требовались данные по денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политикам, однако по второй имелись лишь ежегодные данные, что ограничило анализ лишь использованием монетарной политики.

Анализ производился за 1998–2021 годы. Делалось это для того, чтобы захватить время перед Великой рецессией и перед пандемией 2020 года. Авторы специально рассматривали оба мировых кризиса, чтобы выявить влияние культурных особенностей на спады от рецессий разной природы, ведь мировой кризис 2008–2009 годов сугубо финансовый, а пандемия 2020 года была вызвана внешним шоком.

В качестве зависимой переменной берётся темп прироста ВВП, только поквартальный. Регрессорами являются лаги темпа прироста ВВП за прошлые два квартала (то есть полгода), инфляций по ИПЦ за текущий и прошлый кварталы, ставка процента за текущий и прошлый кварталы (как отражение денежно-кредитной политики). Важнейшим добавлением модели является ввод бинарных переменных, отвечающих за оба вышеупомянутых кризиса, они будут равны 1, если период равен 2008 и 2009 году или 2020 году соответственно. Результаты модели по группам стран представлены в таблице 6.

Отметим техническую тонкость: используется метод Pool Mean Estimator, то есть для каждой страны проводится ARDL-моделирование, затем оценки усредняются по группам, а стандартные ошибки перестраиваются особым образом.

Видно, что в группе «Активность и радость» воздействие Великой рецессии было наиболее губительным для экономики, так как абсолютное значение коэффициента при регрессоре «Великая рецессия» больше, чем в других двух рассматриваемых группах (1,526). Группа 4 не рассматривается, так как в ней не значимы базовые макроэкономические параметры, а также переменная Великой рецессии значима только на уровне 10%. Выводы из анализа процесса подтверждают выводы из анализа результата: если в странах ценится индивидуализм, автономия, равноправие и соблюдения прав человека, то падение наиболее сильное в силу развитости финансовых секторов и вовлечённости людей в инвестиционную сферу.

Также видно, что меньший эффект на динамику экономического роста кризис оказал в группе 3, то есть «Упорство и решительность», что подтверждает результаты регрессионного анализа и иерархической кластеризации.

Что касается пандемии, то ситуация обратная: больше всего пострадали страны из 1 и 3 групп, то есть «Консерватизм и традиции» и «Упорство и решительность», первая в особенности. Это можно объяснить тем, что избегание неопределённости в первой группе наивысшее, это сразу поставило данные страны под уязвимость перед шоком неизвестной природы.

Таблица 5. ARDL модели на панельных данных.

Показатель	(1)	(2)	(3)	(4)
Великая рецессия (бинарная)	-1,326*** (0,389)	-1,526*** (0,377)	-1,138*** (0,132)	-2,296* (1,304)
Пандемия (бинарная)	-3,988*** (0,879)	-2,176*** (0,553)	-2,872*** (0,354)	-1,539** (0,610)
Константа	1,561*** (0,581)	1,588*** (0,213)	1,345*** (0,124)	1,603*** (0,440)

Количество наблюдений	515	1023	1075	434
R²	0,206	0,291	0,233	0,305

Оценки получены с помощью метода *Pool Mean Estimator*. Группы: (1) – консерватизм и традиции; (2) – активность и радость; (3) – Упорство и решительность; (4) – строгость и дисциплина. Значимость: 10%(*), 5%(**), 1%(***). Источник: построено автором по выборке из компонент Г. Хофстеде, а также по макроэкономическим данным [OECD Data. 1998–2021].

Между группами «Консерватизм и традиции» и «Активность и радость» есть статистически значимая разница в средних на уровне 10% во время пандемии:

$$\frac{|\widehat{\beta}_{\text{кт}} - \widehat{\beta}_{\text{ор}}|}{\sqrt{se(\widehat{\beta}_{\text{кт}})^2 + se(\widehat{\beta}_{\text{ор}})^2}} = \frac{|-3,99 - (-2,18)|}{\sqrt{0,88^2 + 0,55^2}} = 1,74 > 1,6$$

Заключение

Проведено подробное исследование влияния культурных особенностей стран на экономические последствия мирового финансового кризиса 2008–2009 годов, и выявлены следующие базовые свидетельства:

1. Гипотеза 1 подтвердилась. Страны с высокими уровнями индивидуализма действительно испытали более глубокое падение во время рецессии, причём основными передаточными механизмами оказались свобода бизнеса и финансовая свобода.
2. Гипотеза 2 подтвердилась. Страны, в которых государство и отдельные индивиды действовали быстро и решительно, меньше всех остальных упали во время кризиса, причём влияние оказалось как прямым, так и косвенным.
3. Гипотеза 3 подтвердилась. Объединение стран по группам имело значение: консервативные и иерархичные государства испытали меньший шок, а также выходили из кризиса более мягко, однако в них ощущалось более сильное инфляционное давление.
4. Гипотеза 4 подтвердилась. Анализ экономической динамики за 1998–2021 годы показал, что кризис в большей степени повлиял на индивидуалистичные страны и в меньшей – на маскулинные. Однако пандемия 2020 года затронула консервативные и иерархичные страны в большей степени.

Помимо базовых свидетельств известно также, что все культурные особенности, в том числе дистанция власти и избегание неопределённости стали значимыми при анализе с помощью передаточных механизмов. Также этот косвенный подход дал понять, что культура повлияла и на такие макроагрегаты, как доля акций и налогов в ВВП, доля кредитов в ВВП, а также на безработицу, что подтверждает то, что Великая рецессия нанесла ущерб большинству социально-экономических сфер.

Важно отметить, что исследование имело ряд ограничений. Во-первых, по большинству социологических методологий данные известны лишь на определённый момент времени, то есть отсутствие повторных замеров исключает анализ влияния культуры на экономику на панельных данных. Во-вторых, в анализе с помощью ARDL-модели было использовано 37 стран, что также вносит коррективы в интерпретацию результатов. Наконец, были рассмотрены только передаточные механизмы, лежащие в основе индекса экономической свободы, подкреплённые теорией, то есть использование иных каналов влияния также возможно.

Что касается практического применения результатов исследования, то их полезно использовать при анализе любого мирового кризиса, не только финансового, потому что культурные особенности устойчивы во времени и редко меняются без внешнего институционального шока. Правительствам стран и людям, живущим в них, полезно принимать во внимание культурные особенности своих государств, чтобы знать, какие сферы у них уязвимы и какие действия необходимо предпринимать в первую очередь, чтобы избежать более глубоких спадов во время рецессий.

Может проведена и дальнейшая работа по теме данного исследования. К примеру, можно попытаться найти данные за все мировые рецессии 20-го века и проанализировать устойчивость неформальной институциональной среды в разных группах стран, делая то допущение, что культурные параметры, полученные в 1970–1980 годы, практически не менялись. Можно также попробовать проанализировать изменения в поведении домохозяйств, то есть использовать методологии индивидуальных ценностей (например, Ш. Шварца) и проследить, какие экономические показатели изменяются во время рецессий (доли потребления и сбережений, выплаты по ипотекам, инвестиционная активность и т. д.).

В заключение стоит добавить, что параметры институциональной среды, не только неформальной, как в этой работе, стоит всегда учитывать при анализе турбулентности на мировом рынке, потому что когда классические модели не могут дать краткосрочные ответы на вопросы экономистов, единственное, что остаётся делать, – это доверять тем особенностям, которые остаются неизменными и которые могут предсказать последствия

рецессий, исходя из прошлого опыта, ибо любой шок неизвестной природы – это всегда новый вызов как для авторов экономической политики, так и для домохозяйств.

Источники

1. А. Аузан. 2022. «Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа». М.: Издательство АСТ. 160 стр.: ил. (Экономические миры).
2. А. Аузан. 2017. «Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь». 4-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер. 192 с.
3. Аузан А. и др. (ред.). 2021. Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория.
4. А. Гринспен. 2014. «Карта и территория. Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования». Альпина Диджитал.
5. Н. Лебедева, А. Татарко. 2009. «Культура как фактор общественного прогресса». М.: ЗАО «Юстицинформ, 316, 408.
6. М. Льюис. 2020. Игра на понижение. Альпина Паблишер (пер. с англ. – 2-е изд.).
7. Д. Норт. 1997. «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики». Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала». 180 с. Современная институционально-эволюционная теория.

8. S. Beugelsdijk, R. Maseland. 2010. «Culture in economics: History, methodological reflections and contemporary applications». Cambridge University Press.
9. Y. Chou. 2006. «Three simple models of social capital and economic growth.» The Journal of Socioeconomics, 35(5), 889-912.
10. J. Dawson. 1998. «Institutions, investment, and growth: New cross-country and panel data evidence». Economic inquiry, 36(4), 603-619.
11. O. Dieckmann. 1996. «Cultural determinants of economic growth: Theory and evidence». Journal of Cultural Economics, 20, 297-320.
12. R. Durante, L. Guiso, G. Gulino. 2021. «Asocial capital: Civic culture and social distancing during COVID-19. Journal of public economics», 194, 104342.
13. R. Franke, G. Hofstede, M. Bond. 1991. «Cultural roots of economic performance: A research note A». Strategic management journal, 12(S1), 165–173.
14. P. Giuliano, A. Spilimbergo. 2014 «Growing up in a recession». The Review of Economic Studies. C. 787-817.
15. J. Granato, R. Inglehart, D. Leblang. 1996. «The effect of cultural values on economic development: theory, hypotheses, and some empirical tests». American journal of political science, 607-631.
16. G. Hofstede. 1980. «Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values». Sage, Beverly Hills, CA.
17. G. Hofstede. 1983. «Dimensions of national cultures in fifty countries and three regions». Swets and Zeitlinger, Lisse, Netherlands. Pp. 335-355.
18. G. Hofstede, M. Bond. 1988. «The Confucius connection: From cultural roots to economic growth». Organizational Dynamics, 16. Pp. 4-21.
19. J. Johnson, T. Lenartowicz. 1998. «Culture, freedom and economic growth: do cultural values explain economic growth? ». Journal of world business. T. 33. №. 4. C. 332 – 356.
20. K. Li, X. Liu, F. Mai, T. Zhang. 2021. «The role of corporate culture in bad times: Evidence from the COVID-19 pandemic». Journal of Financial and Quantitative Analysis, 56(7), 2545-2583.
21. M. Minkov. 2018. «A revision of Hofstede's model of national culture: Old evidence and new data from 56 countries». Cross Cultural & Strategic Management, 25(2), 231-256.
22. A. Rupasingha, S. Goetz, D. Freshwater. 2000. «Social capital and economic growth: a county-level analysis». Journal of Agricultural and Applied Economics, 32(3), 565-572.
23. J. Steenkamp, I. Geyskens. 2012. «Transaction cost economics and the roles of national culture: a test of hypotheses based on Inglehart and Hofstede». Journal of the Academy of Marketing Science. T. 40.C. 252–270.

24. R. Solow. 1956. «A contribution to the theory of economic growth». The quarterly journal of economics. Т. 70. No. 1. С. 65-94.
25. R. Thaler. 1981. «Some empirical evidence on dynamic inconsistency». Economics letters, 8(3), 201-207.
26. Код исследования. URL: <https://github.com/Temakom/Diploma-paper.-Artemiy-Komarov>.
27. Geert Hofstede. Dimension data matrix. URL: <https://geerthofstede.com/research-and-vsm/dimension-data-matrix/>. Дата обращения: 04.05.2023.
28. Index of economic freedom. Executive Summary. 2009. URL: https://thf_media.s3.amazonaws.com/index/pdf/2009/Index2009_ExecutiveSummary.pdf. Дата обращения: 04.05.2023.
29. International Monetary Fund. Investment and capital stock dataset. URL: <https://infrastructuregovern.imf.org/content/dam/PIMA/Knowledge-Hub/dataset/IMFInvestmentandCapitalStockDataset2021.xlsx>. Дата обращения: 04.05.2023.
30. OECD Data. 1998 – 2021. URL: <https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>. Дата обращения: 04.05.2023.
31. World bank Data. 2008-2011. URL: <https://data.worldbank.org>. Дата обращения: 04.05.2023.

Приложения

Таблица 5(а). Средние значение социокультурных характеристик по группам стран.

Компонента Кластер	Дистанция власти	Индивидуа- лизм	Маскулин- ность	Избегание неопреде- лённости	Долгосрочная ориентация	Потворство желаниям
Активность и радость	32,1	77,8	39,7	43,5	38,1	67,6
Консерватизм и традиции	64,9	30,6	45,9	87,6	32,1	62,0
Строгость и дисциплина	71,7	32,9	44,1	58,9	58,5	26,7
Упорство и решительность	52,7	64,0	70,5	75,8	68,2	43,3

Источник: построено автором по выборке из компонент Г. Хофстеде.